

Движение милосердия как тема русской поэзии периода Первой мировой войны

Для русской батальной лирики периода Первой мировой войны характерно обращение к такой теме, как движение милосердия, охватившее все слои тогдашнего русского общества.

Красный Крест становится одним из ключевых символом военного времени, лейтмотивом многих произведений русской поэзии. Так, В. Петров в стихотворении, которое так и называется — «Красный Крест», подчеркивает объединение русского общества: «На белом фоне Красный Крест / Глядит на вас, как близкий друг, / С ворот, с балконов и лачуг, / С дворцов, палат, роскошных зданий...» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 6].

Произведения многочисленных авторов, отражающие массовое движение милосердия, представляют собой значительный поток, позволяющий выявить в русле поэзии периода Первой мировой войны такой своеобразный феномен, как *госпитальная лирика*. Ее отличительные признаки — это фактологическая основа, документализм сюжетов, «госпитальный хронотоп», приобретающий характер онтологического рубежа между жизнью и смертью, восприятие милосердия к страждущим с позиций православной аксиологии, центрообразующая роль русской сестры милосердия как безусловной носительницы христианских ценностей.

Русская госпитальная лирика 1914–1918 гг. опирается на традиции XIX в., заложенные в стихотворениях Е. Ростопчиной «Сестрам Крестовоздвиженской общины» (12 мая 1855) [Ростопчина, 1855, с. 9–10], Я.П. Полонского «Под Красным Крестом. (Посв. памяти Ю.П. баронессы Вревской)» [Полонский, 1881, с. 53–56] и в стихотворении в прозе И.С. Тургенева «Памяти Ю.П. Вревской» [Тургенев, 1962, с. 31–32]. Отличие, однако, состоит в том, что в годы Первой мировой войны госпитальная тематика отражается уже не в единичных примерах, а в массовом потоке стихотворных текстов самого разного художественного уровня. К этой теме обращаются и поэты первого ряда (Н. Гумилев, И. Северянин, С. Есенин), и многочисленные полузабытые и забытые ныне авторы.

Наибольшее количество стихотворений посвящено воспеванию подвига русских женщин, отринувших уют, оставивших семью и посвятивших себя помощи раненым русским воинам [Герасимова, 2013, с. 187–220], как и их замечательные предшественницы — «сестры Крестовоздвиженской общины», Юлия Вревская, Даша Севастопольская и другие русские женщины, имена которых менее известны: А. Грибоедова, Е. Бакунина, Э. Лоде [Синицына, 2005].

Этой теме Н. Гумилев посвящает свой диптих, состоящий из двух посланий — «Сестре милосердия» (1914) [Гумилев, 2011, 253–254] и «Ответ сестры милосердия» (10 марта — конец мая 1915) [Гумилев, 2011, с. 254]. В первом из адресованных монологов, написанном от лица мужчины, лирический герой высказывает мысль о том, что миссия женщины за-

ключается в том, чтобы быть «подругой», «с пляской, музыкой и пеньем» проходить «дорогой муз»; посылать мужчин на бой «поцелуем», подобно «англичанке», ставшей предметом светских разговоров: «Эта девушка с открытой сцены, / Нарумянена, одета в шелк, / Лучше всех сестер милосердия / Поняла свой юный долг» [Гумилев, 2011, с. 253–254]. С рыцарской галантностью влюбленного и защитника лирический герой утверждает:

И мечтаю я, чтоб сказали
О России, стране равнин:
— Вот страна прекраснейших женщин
И отважнейших мужчин. [Гумилев, 2011, с. 253]

«Ответ сестры милосердия» также написан в форме *послания*, но уже от лица русской женщины. Лирическая героиня предстает в нем как достойная продолжательница духовных устремлений и реальных дел многих поколений русских женщин, которые избрали деятельную помощь своей сражающейся Родине в качестве главного нравственного долга. Недаром стихотворению предпослан эпитафия из «Слова о полку Игореве»: «...омочу бебрян рукав в Каяле реце, утру князю кровавые его раны на жестоцем теле» (Плач Ярославны). Лирическая героиня, возражая автору послания к ней, подчеркивает, что считает свой порыв естественным и не ущемляющим мужскую гордость:

... Солнечное утро битвы,
Зов трубы военной — вам,
Но покинутые могилы
Навещать годами нам.

Так позвольте теми руками,
Что любили вы целовать,
Перевязывать ваши раны,
Воспаленный лоб освежать...

А когда с победы славной
Вы вернетесь из чуждых сторон,
То бебрян рукав Ярославны
Будет реять среди знамен. [Гумилев, 2011, с. 254]

Как видим, в стихотворении Н. Гумилева подвижническая миссия русских женщин представлена в национально-историческом и мифопоэтическом контексте. Образ же Ярославны актуализируется в годы Первой мировой войны не случайно — он становится одним из национальных символов сердечной спутницы русского воина, чья любовь хранит его от гибели. Не случайно такой обобщающий смысл несет в себе заглавие статьи С. Есенина «Ярославны плачут» (1915), посвященной анализу отражения военной темы в женской лирике тех лет.

Ангельские черты в облике сестры милосердия проникновенно воссозданы, например, в малоизвестном стихотворении И. Северянина «Белая фея» (1914. Октябрь) [Северянин, 1915, с. 110]:

По слезным лестницам, как белка, прыгая,
Крепясь при публике, во сне рыдая,
Мелькает белая, святая, тихая,
Такая скромная и молодая.

И в годы-сумерки, и в зори вешние,
И жизни вечером — одна и та же:
Всегда безвестная, всегда нездешняя,
Покоя раненых она на страже.

В палатах буднично, — и удивительно ль,
Что фея белая больным желанна?
Кто поднимается, кто руку вытянул,
Смеются ласково и осиянно.

Полетом голубя бинты покажутся,
Шампанским вспенится лекарство в склянках,
И что-то доброе такое скажется,
Непроизвольное, сестре-смуглянке...

Негулким отзвуком, неясным отблеском
Сестры и матери, жены, невесты
Провеет строгая героям-доблестным
А где расплачется — то свято место! [Северянин, 1915, с. 110]

Произведения как известных поэтов, так и забытых ныне авторов публиковались в столичной и периферийной периодической печати, в тематических сборниках «Современная война в русской поэзии» [Современная война в русской поэзии, 1915. Вып. 1, с. 138–144], «Песни о русской сестре милосердия...» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917] и др.

В стихотворениях многочисленных авторов подчеркивается искреннее стремление русских женщин принести пользу Отечеству в годину тяжелого испытания. Именно этими причинами объясняется, по-видимому, небывалый дотоле, ставший одной из характерных примет времени всплеск «женской поэзии», для которой тема милосердия оказывается особенно близка. Так, Н. Коробицына в стихотворении «Сестра милосердия» (1915) от имени своей героини восклицает: «Как быть мне веселою, / Если вокруг столько зла!» [Коробицына, 1915, с. 714].

Авторы подчеркивают значение благородной миссии сестер милосердия, которые облегчают нравственные и телесные страдания воинов, «чтоб в каждом раненом средь боя, / Воскреснув, вспыхнули бы вновь / В бою — святая мощь героя / И в жизни — к Родине любовь!» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 5]. Яркие проявления искренности находим в стихотворениях Н. Мазуркевича «Милосердная сестра. (Посвящается юной сестре М. Гарковской)» [Мазуркевич, 1915, с. 12], В. Бякина «Русская девушка» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 17], В. Петрова «Сестры милосердия. (Посвящается М.П. Э — т)» [Петров, 1915, с. 24] и мн. др.

Сестра милосердия предстает в их произведениях в образе *матери* (Н. Макашова, «Сестре милосердия» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 9], В. Карпова, «Сестра» [Там же, с. 18], Д. Фролова «Сестра милосердия» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 40] и др.); *матери-родины* (С. Глинская, «Русской женщине» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 69–70]); возлюбленной (Н. Гумилев, «Ответ сестры милосер-

дия», [Гумилев, 2011, с. 253–254]; В. Жуковского «Раненый» [Жуковский, 1915, с. 6–7] и др.); *русской девушки* (В. Бякин, «Русская девушка» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 16–17]); *ангела-хранителя* (например, А. Простова, «Я был без памяти...» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 3] и др.); *святой* (Н. Керсновский, «сестрица» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 44–45]); порой — *самого Бога* (Н. Мазуркевич, «Сестра милосердия» [Мазуркевич, 1915, с. 7–8]).

Образ сестры милосердия — образ пороговый: многие авторы помещают его на границе жизни и смерти, наделяя его носительницу способностью побеждать саму смерть. Такая трактовка характерна, например, для стихотворения О. Гомоюновой «Сестры» [Песни о русской сестре милосердия..., 1916, с. 8].

В большинстве произведений образ сестры милосердия собирательный: поэты намеренно подчеркивают, что движение милосердия объединило представителей самых разных слоев русского общества. Таковы стихотворения «В лазарете» Е. Хмельницкой [Хмельницкая, 1915, с. 18], «Сестра» П. Вильде [Современная война в русской поэзии. Вып. 1, 1915, с. 138–139], и мн. др. Однако среди них особо выделяются те, в которых воспевается благородная миссия представительниц царской семьи. «Царский род / В годину бедствия, страданья / Свой труд, любовь стране несет, / Забывши жизни обаянье» — написал неизвестный автор в стихотворении «Почтительнейше посвящаю Ее Императорскому Высочеству Великой Княгини Ольге Александровне. (Сестре милосердия)» [Песни о русской сестре милосердия..., 1917, с. 4]. Заметим: обязанности сестры милосердия выполняли многие женщины из дома Романовых, например, «в числе сестер» отправилась на фронт «Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Павловна Младшая. В Киеве, в лазарете Покровского монастыря, самоотверженно несут помощь страждущим воинам Великие Княгини — сестры Анастасия Николаевна, Августейшая супруга Верховного Главнокомандующего, и Милица Николаевна с Августейшими дочерьми Мариной Петровной и Надеждой Петровной» [Летопись войны 1914 года, с. 117]. Однако внимание русских поэтов сосредоточилось на императрице Александре Федоровне, великих княжнах Татьяне и Ольге, сестре Николая II — великой княгине Ольге Александровне Куликовской-Романовой, находившейся на позициях в качестве сестры милосердия [Сенина, 2010, с. 4]. Именно им посвящены стихи многих русских поэтов: «Пока бросает ураганами...» (7 июля 1916) Н. Гумилева [Августейшие сестры милосердия, 2008, с. 249], «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» (1916) С. Есенина [Есенин, 1996, с. 145]; «Я был без памяти...» А. Простовой [Песни о русской сестре милосердия..., 1916, с. 3]; «Ольга А-на» А. Мейснера [Современная война в русской поэзии. Вып. 1, 1915, с. 142] и др.

Одним из таких произведений является стихотворение П. Голошанова «Господнею волей, войны небывалой...» с посвящением «Царице-Сестре» [Августейшие сестры милосердия, 2008, с. 3–4]. Документальная основа произведения очевидна: автор констатирует, что «в это великое, страшное время / Царица — России Любимая Мать — / Сестры милосердной изволила бремя / На плечи свои, не колеблясь, принять. / Тяжелый тот крест на Себя возлагая, / Его возложила на двух Дочерей, / Любви неземной дать примеры желая / Их юной и чистой душе поскорей. / Как мать-Государыня, сердцем болеешь / За всех сыновей Твоих — русских солдат — / И их, как Царица-Сестра, Ты лелеешь, / И раненый каждый тебе уже брат» [Августейшие сестры милосердия, 2008, с. 3]. Для этого стихотворения характерен распространенный в лирике периода Первой мировой войны мотив

общего дома, семьи [Герасимова, 2013, с. 130], напрямую связанный с образом Родины. Царица — сестра милосердия — воспринята как «мать», «сердцем болеющая» за своих «сыновей». Поэт завершает свое стихотворение молитвенным *прошением* к Господу даровать царственной сестре милосердия «счастья с Ее Дочерьми», «силы», «утеху в Наследнике Сыне», «радость», «мир» и «покой».

Авторы помещают монарших особ на передний край борьбы за жизнь, и в этом случае архетип *семья* приобретает уже общенациональное значение. В таком ракурсе предстают героини стихотворения С.А.Есенина «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» (1916) [Есенин, 1996, с. 145], также известного под названием «Царевнам» [Есенин, 1996, с. 392], редкостные художественные достоинства этого произведения наиболее убедительно выявлены известным есениноведом О.Е.Вороновой [Воронова, 2002, с. 140–142]. Стихотворение носит характер исторического пророчества, о чем свидетельствует и его молитвенный контекст: «О, помолись, святая Магдалина, за их судьбу» [Есенин, 1996, с. 145].

Особый пласт госпитальной лирики составляют стихотворные *солдатские письма*, во множестве печатавшиеся в различных периодических изданиях. Так, некоторые из них обнаружил Мин. Шах, процитировав их безо всякой литературной правки и предположив им следующий эпиграф: «Ведь письма — субъективные снимки с настроений» (из письма Ницше к Дейлиху 4/V 1867 г.) [Мин. Шах, 1915, с. 1401]. Эти образцы массовой народной поэзии подкупают непосредственностью в выражении чувств, искренностью, сердечной благодарностью в адрес спасителей. Комментируя простые, искренние, порой по-солдатски неуклюжие строки, автор публикации убежден, что по их прочтении перед читателями «облик русского солдата засияет... в новом свете. Для него так же близко чувство благодарности, как и чувство долга. Под оболочкой сурового воина бьется мягкое сердце, живет отзывчивая душа, и, может, потому так отраднo и радостно рыться в этих неуклюжих письмах — таких родных..., дорогих...» [Мин. Шах, 1915, с. 1404]. Действительно, подобные произведения являются живым памятником эпохи одной из самых кровопролитных войн XX столетия. Они ярко свидетельствуют о том, что народное сознание начального периода Первой мировой войны воспринимало сестер милосердия как «образ великого сердца страны» [[Б. а.] Светлые образы. (Сестры милосердия), 1914, с. 598], полного великой Любовью, искреннего участия к тем, кто в нем наиболее сильно нуждается, уверенности в том, что солдат, возвратившись на поле боя или к мирной жизни, сохранит в себе человека. Таково, по мнению Павла Попова, истинное милосердие, явленное русскими женщинами на полях сражений: «Но война свирепствует не вечно. / Отгремит военная гроза. / А в явленьях жизни быстротечной / Заблестит обычно слеза. / Меч вражды и злобы повседневной / Нищих духом будет ранить вью... / Вот туда-то, в пекло муки гневной, / Милосердия помощь ты направь! / мир широк, и в жизни скорби много, / Где страдалцы — сами палачи... / Вот туда-то к ним, во имя Бога / Утешенья ты носи лучи» [Попов, 1915, с. 420].

Таким образом, следует констатировать, что тема движения милосердия стала одной из наиболее примечательных в общей тематике поэзии периода Первой мировой войны.

Характерной особенностью подобных произведений, как было замечено выше, является их фактографическая основа: они написаны либо самими участниками событий, либо представляют собой отклик на рассказ очевидцев, что придает им черты дневниковости, запечатлевшей мельчайшие детали человеческого бытия эпохи мировой войны.

Интересна палитра жанровых модификаций госпитальной лирики 1914–1918 гг., включающая авторские новообразования: *исповедь умирающего офицера*, *прощальное письмо*, *благодарное признание сестре милосердия* и др.

Многочисленные образцы массовой госпитальной лирики не несут в себе, как правило, художественной ценности. Значение этих человеческих документов в другом — в ценности непосредственного и искреннего свидетельства очевидца, зафиксировавшего не только приметы времени, но и процесс национальной самоидентификации русского человека в условиях мирового катаклизма.

Образ царственной сестры милосердия, как было отмечено, является в этих стихах «штрихом» к портрету персонифицированной русской монаршей власти, несет в себе яркий идеологический заряд, являясь художественным оружием в идеологическом противостоянии держав, находящихся в состоянии войны.

Многообразие микросюжетов, реализованных авторами в рамках госпитальной темы, позволяет запечатлеть проявление основных черт русского национального характера, православного мироощущения авторов и их героев.

По сути, в госпитальной лирике воссоздана микромодель жизни, в которой хронотоп сжатости времени и пространства между жизнью и смертью проявляет ощущение полноты бытия, победы жизнеутверждающих начал человечности, добра, милосердия.

Список литературы

- Августейшие сестры милосердия / Сост. Н.К. Зверева. М., 2008.
- Августейшие труженицы и сестры милосердия // Летопись войны 1914 года. № 7. С. 116–117.
- Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань, 2002.
- Герасимова И.Ф. «Госпитальная» лирика периода первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 2. СПб., 2012. С. 35–45.
- Герасимова И.Ф. Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914–1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи. Рязань, 2013.
- Гумилев Н. Полн. собр. соч.: В 1 т. М., 2011.
- Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 4.
- Жуковский В. Раненый // Кавказский журнал. 1915. № 8. С. 6–7.
- Коробицына Н. Сестра милосердия // Пробуждение. 1915. Вып. 22. С. 714.
- Мазуркевич Н.И. Сестра милосердия // Кавказский журнал. Отклики мировой войны. № 6: Календарь войны: Сб. Н.И. Мазуркевича: Стихотворения, рассказы от очевидцев, военный обзор, статьи о современной войне народов и проч. Пятигорск, 1915. С. 7–8.
- Мазуркевич Н.И. Милосердная сестра: (Посвящается юной сестре М. Гарковской) // Кавказский журнал. Отклики мировой войны. № 7 (февр.). Пятигорск, 1915. С. 12.
- Мин. Шах. Солдатские письма // Вестник Красного Креста. 1915. № 4. С. 1401–1404.
- [Б.а.] Светлые образы: (Сестры милосердия) // Пробуждение. 1914. № 18 (15 сент.). С. 598–599.
- Песни о русской сестре милосердия: 1914–1916, собранные Евгением Вильчинским: С портретами августейших сестер милосердия. СПб., 1917. (Приложение к № 1 «Вестн. Красного Креста»).
- Полонский Я.П. Под Красным Крестом: (Посв. памяти баронессы Ю.П. Вревской) // Полонский Я.П. На закате: Стихотворения. 1877–1880. М., 1881. С. 53–56.
- Попов П. Милосердие // Пробуждение. 1915. № 13 (1 июля). С. 420.

Ростопчина Е. Сестрам Крестовоздвиженской общины: (По прочтении писем их начальницы, напечатанных в «Северной пчеле») // Москвитянин. 1855. Кн. 1. № 11. С. 9–10.

Северянин И. Белая Фея // Лукоморье. 1915. № 5–6. С. 110.

Сенина М.А. Истинное милосердие. Великая княгиня Ольга Александровна в деле помощи раненым и увечным воинам в годы Первой мировой войны // Современные проблемы науки и образования. 2010. № 6. С. 4.

Синицына Т. Даша Севастопольская, легенда Крымской войны [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20050513/39977232.html>.

Современная война в русской поэзии: Вып. 1–2 / Сост. Б. Глинский. Пг., 1915. Вып. 1–2.

Тургенев И.С. Памяти Ю.П. Вревской // Тургенев И.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 10. С. 31–32.

Хмельницкая Е.Ф. Вперед смелее! Сб. стихотворений. Пг., 1915.